

Дядя Коля и Бурьян

Первые шаги возрожденной после войны БЕЛТА тесно связаны с... Архангельском. Как так случилось – в третьем очерке цикла к 105-летию БЕЛТА

Закрываю глаза, и они – исхудавшие, в гимнастерках – в призрачном свете догорающей свечи обступают меня со всех сторон. Рослый чахоточный Павел Николаевич Тормосов с первой проседью в рыжеватых курчавых волосах. Тощий, как подросток, Трофимов с торчащим кадыком и папиросой в нервных пальцах. Ответственный руководитель БЕЛТА Александр Михайлович Третьяков...

...Третьяков – немолодой, благообразный, с зачесанными назад бесцветно-русскими волосами.

«Вот же Трофимов! – мысленно негодует он. – Отдрал обшивку от радиоприемника «Пионер» и пустил на растопку. Того и гляди ударит током, батарейка-то самодельная!» А без радио, как в той песенке, «и ни туды, и ни сюды», ведь другой связи с Москвой, считай, не существует.

В последние дни победного и голодного 1945 года на смену Третьякову прибыл по направлению ТАСС Михаил Васильевич Морозов. С 1932-го он руководил информационными агентствами в Киргизии и Казахстане. Теперь его задача – возродить Белорусское телеграфное агентство после паузы, растянувшейся почти на три года, – с 28 июня 1941 года, когда был оккупирован Минск, и до 22 февраля 1944-го, тогда Совнарком БССР, находясь уже в Гомеле, принял постановление «О возобновлении работы Белорусского Республиканского Телеграфного агентства «БЕЛТА».

Была попытка возобновить работу в июле 1942-го в Москве. Вернувшийся из Казани Совнарком даже утвердил штат из 14 человек, не назначив почему-то руководителя. Но не вышло. Лишь в начале 1944-го ТАСС поручил своему архангельскому корреспонденту Александру Третьякову возродить деятельность БЕЛТА.

Архангельцы

«...Шел 1944 год. Я работал тогда в Архангельске, в окружной военной газете, – рассказывал много лет спустя журналист Павел Николаевич Тормосов. – Однажды нас собрали и сказали: требуются люди для работы в освобождаемых районах. Как раз в это время бывший собкор ТАСС по Архангельской области А.М. Третьяков формировал группу журналистов для Белоруссии. Так я попал в число тех, кому предстояло возобновить работу БЕЛТА, прерванную оккупацией республики. Я получил должность редактора».

Кто же эти люди, отозвавшиеся на клич Третьякова и переехавшие из Архангельска, в двух тысячах километров от Минска, в разрушенную войной белорусскую столицу? Вряд ли они рассчитывали на молочные реки и кисельные берега, но увиденное в конце июля 1944 года, когда эшелон остановился у перрона чудом уцелевшего вокзала, превзошло самые худшие ожидания. Улица Советская вся в руинах, по ней невозможно было пройти. От здания, где до войны находилось агентство, остались лишь груды кирпича.

Война уничтожила все, что невероятным трудом создавало довоенное поколение белтовцев.

По оценке Чрезвычайной государственной комиссии при СНК БССР, материальные потери БЕЛТА от действий немецко-фашистских оккупантов составили более 800 тыс. рублей. Разрушен двухэтажный дом, угнаны 2 легковые автомашины, разграблено оборудование фотоаппаратуры, уничтожен или вывезен телетайп, радиотехника, печатный станок-автомат, репродукционная установка, 7 пишущих машинок, 2 сейфа. 28 февраля 1944 года на возобновление деятельности БЕЛТА выделили 15 тыс. рублей «из средств по печати» – капля в море в сравнении с понесенным ущербом.

Павел Николаевич
Тормосов

«Нас собрали и сказали: требуются люди для работы в освобождаемых районах».

Сотрудников агентства на первых порах разместили в уцелевшем здании на площади Свободы, в трех или четырех комнатах на разных этажах. Чуть позже перебрались на ул. Республиканскую, 30. От телетайпе приходилось лишь мечтать. «На республику материалы передавались медленной диктовкой по радио, – писал Павел Тормосов, – а в ТАСС –

Сотрудники БЕЛТА, как и большинство минчан, в нерабочее время участвовали в разборе руин на улице Советской (ныне проспект Независимости). 1944 год

по ВЧ (высокочастотная правительственная телефонная связь. – Авт.). Из Москвы информацию также принимали по радио».

Павел Николаевич Тормосов – личность, без преувеличения, легендарная. Отец и дед его, а возможно, и прадед промышляли лесом, сплавливая его по Паденьге и Северной Двине до самого Архангельска. Окончив семь классов, летом пас скот то в Карелии, то на Вологодчине, а зимой возвращался в родную деревню Горбачевскую, вместе с отцом валили лес. В 1930 году устроился в Архангельске счетоводом. Быстро дорос до главного бухгалтера радиокомитета. «После длительной подготовки в октябре 1938 года поступил в Московский литературный институт Союза советских писателей СССР на заочное отделение, – писал он в автобиографии, сохранившейся в архиве БЕЛТА. – Учеба в институте, литературное творчество и основная работа сильно подорвали здоровье, в результате чего заболел туберкулезом легких. Пришлось покинуть учебу и выехать в Крым на лечение».

В Архангельск Тормосов вернулся с огромным желанием работать журналистом, как его младший брат Алексей. И надо же такому случиться: того в 1940 году забрали в армию, а Павел занял его место в областной комсомольской газете. Вскоре Тормосова пригласили редактором в газету военного округа, где он служил до 1944 года, пока не

Строительство дома на углу Комсомольской и Карла Маркса (ныне К. Маркса, 23). На противоположной стороне улицы виден Дом НКлеса (ныне Комсомольская, 31), где с 1948 по 1975 год располагалась БЕЛТА. 1950 год

встретился с Третьяковым. Павел оказался для БЕЛТА настоящей находкой. «Тормосов П.Н. с порученной ему работой справляется хорошо», – пишет в его аттестационной характеристике скупой на похвалу Третьяков. Вплоть до 8 июля 1951 года Павел Николаевич при всей слабости здоровья в одиночку редактирует информацию для ТАСС, вместе с коллегой Трофимовым готовит большинство материалов для инфобюллетеней БЕЛТА. Временами это восторженные рапорты о трудовых победах республики, наполненные скорее стремлением выдать желаемое за действительное, нежели правдивым отражением суровой реальности. «Так, например, в информации „На новостройках республики“ (15-го июля) сообщается, что в Смоленвическом районе строится крупная гидроэлектростанция, которая даст первый ток к 31-й годовщине Октября, в то время как известно, что Смоленвическая

Александр Михайлович Третьяков

Даниил Исаевич Трофимов

электростанция будет работать на торфу, и поэтому ее никак нельзя назвать гидроэлектростанцией, а во-вторых, первый ток она вряд ли даст и к концу 1949 года», – иронизирует по этому поводу в обзоре республиканских вестников в конце 1948 года ревизор агентства, его будущий ответственный руководитель Федор Егорович Клецков.

С тем же ликующим оптимизмом Тормосов с Трофимовым пишут о том, что «в ближайшее время вступит в строй Минский патефонный завод», о завершении кладки стен ГУМа, когда были уложены лишь два этажа, бетонировании русла Свислочи и создании Минского моря... Это было потрясающе интересно и наверняка вдохновляло массы на трудовые свершения, но не совсем объективно. Возможно, склонность к преувеличению шла большей частью от Трофимова. Даниил Исаевич – артист по профессии, полная противоположность Тормосова. Изнеженный мальчик, сын питерского парикмахера. В детстве жил в Архангельске. После школы Трофимов поступил в Ленинградский театральный институт. «Война помешала его закончить», – лаконично сообщает он в автобиографии, которая хранится в белтовском архиве. В августе 1941-го будущий журналист эвакуируется из блокадного Ленинграда и поступает в Архангельский пединститут на специальность «литература и музыка». Ранний брак и рождение сына принуждают бросить учебу. Даниил играет в местных театрах – от дра-

Строительство ГУМа. На месте двухэтажного дома, где до войны располагалась БЕЛТА, в 1946–1947 годах воздвигли здание Министерства государственной безопасности. 1948 год

На Минском море, о закладке которого первой объявила БЕЛТА, в 1954 году состязались гребцы ДОСААФ

матического до кукольного, работает редактором «Последних известий». Читаем в характеристике, выданной местным радио: «зарекомендовал себя как хороший растущий журналист. Большинство радиопередач, организованных тов. Трофимовым, отличались политической актуальностью и высокой литературной обработкой».

Именно он первым приехал на белорусскую землю. Освещал первомайскую демонстрацию 1944 года в Гомеле, освобождение городов и сел. Судя по сохранившимся документам, руководству информагентства с ним приходилось нелегко. Тут и поломанный радиоприемник, и утрата удостоверения личности, что в начале 1945-го было смерти подобно. Рассвирепевший Третьяков ставит ему на вид. Хватало претензий к нему и по работе, хотя Даниил Исаевич весь 1945 год явный лидер по количеству материалов в информационных вестниках. «Информация редактора Трофимова „Колхозы и совхозы Бобруйской области выполнили годовой план хлебосдачи“, помещенная в вестнике за 10 октября, даже и на сегодняшний день не отвечает действительности, – ядовито отмечает в приказе по агентству Третьяков. – Информация явилась плодом собственной фантазии Трофимова».

«Проявлял нужную оперативность. В печати работать может».

Ответственный руководитель БЕЛТА недоумеет: отчего Трофимов, личность художественная, да еще и редактор по культуре, предпочитает писать о сельском хозяйстве, а в театры, творческие союзы, Академию наук не ступает ногой. Тем не менее на октябрьские праздники 1945 года, как ни в чем не бывало отмечает «честного, исполнительного, преданного делу» журналиста премией 400 рублей. «За время работы в БЕЛТА тов. Трофимов Д.И. показал себя хорошо знающим дело постановки информации и партийно-советской печати. В работе проявлял нужную оперативность. В печати работать может», – такую характеристику при уходе из БЕЛТА в феврале 1952 года выдал ему Морозов.

Видимо, Даниил Исаевич свою карьеру в журналистике продолжил. Как и Тормосов, который в

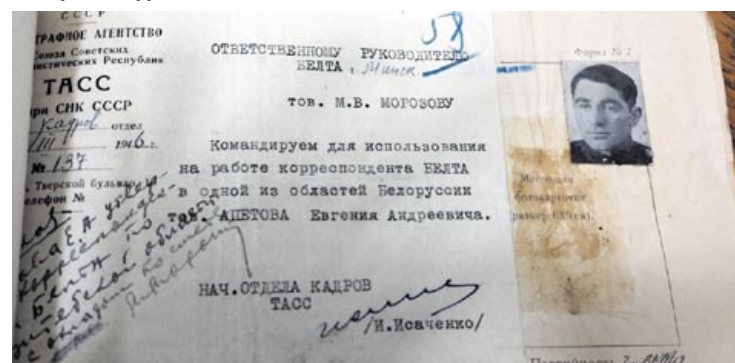
июле 1951 года стал собственным корреспондентом союзной «Медицинской газеты». В БЕЛТА они больше не работали, но оставили в истории агентства заметный след.

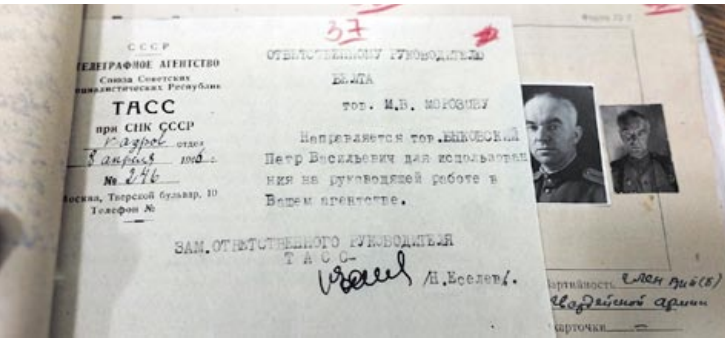
Диверсанты и партизаны

В основном сотрудники послевоенной БЕЛТА – это люди воевавшие, фронтовики. Большинство из них пришли в агентство по направлению ЦК КП(б)Б. Уже заслуженные и уважаемые, несмотря на свой молодой возраст.

Корреспондент по Витебской области Евгений Андреевич Апетов. Лейтенант, политрук, отличился в 1944 году в боях у озера Ильмень. «Личным примером мужества и отваги тов. Апетов воодушевлял бойцов на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, на самоотверженные атаки, – читаем в наградном листе. – И бойцы шли и бились насмерть, отражая жестокие контратаки и переходя от одной атаки в другую, воодушевленные беседами и личным примером мужества Апетова. За точную и своевременную информацию о подвигах бойцов и командиров в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, за мужество и отвагу, проявленные, будучи в боевых порядках подразделений, за проведенные беседы с бойцами под непрерывным арт. мин.обстрелом противника тов. Апетов достоин правительственной награды медалью „За отвагу“».

С 1946 года журналистов принимали на работу в БЕЛТА по направлению ТАСС или ЦК КП(б)Б. Резолюция Морозова на командировке Е.А. Апетова: «Утвердить корреспондентом по Витебской области»

Заместитель ответрука БЕЛТА П.В. Быковский прибыл в БЕЛТА в апреле 1946 года по направлению ТАСС

Гвардии капитан, заместитель ответственного руководителя БЕЛТА Петр Васильевич Быковский возглавлял отдел армейской газеты «Боевое знамя». «Чтобы дать в газету оперативный, правдивый материал, тов. Быковский не раз принимал участие в боях вместе с частями 2-й гвардейской дивизии. Под гор. Ржевом летом этого года он с первых же

Владимир Лазаревич Беленький

дней наступления наших частей дал в газету ряд интересных материалов из 56-й и 85-й гвардейских дивизий. В этих боях он также показал инициативу и бесстрашие», – это строки из наградного листа. Уволившись в 1955 году из БЕЛТА, Быковский – интеллигент, преподаватель белорусского языка – стал председателем колхоза.

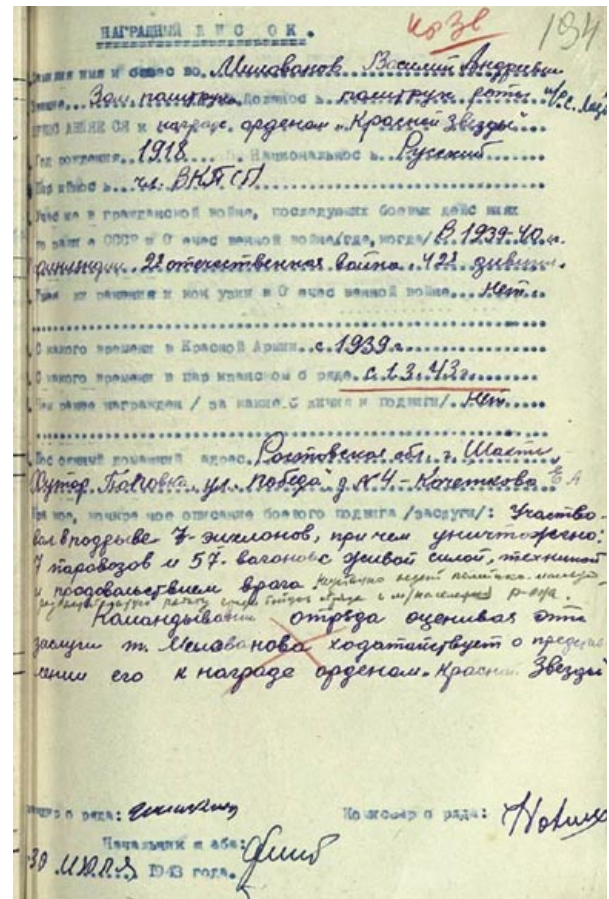

Аркадий Семенович Брускин

Старший лейтенант, корреспондент по Молодечненской и Могилевской областям Владимир Лазаревич Беленький во время прорыва блокады Ленинграда обеспечивал шифросвязью штаб 14-й воздушной армии. Старший сержант, корреспондент Аркадий Семенович Брускин – выпускник спецшколы Наркомата обороны СССР, радист при уполномоченном

ЦК КП(б)Б и Центрального штаба партизанского движения, «проявил себя как специалист своего дела, обеспечив регулярную и бесперебойную связь в условиях глубокого тыла врага. Совершив сложный марш по глубоким тылам врага в Белостокскую область протяжением 1300 км, принял активное участие во всех боевых мероприятиях. Проникнув в глубину области, т. Брускин А.С. непрерывно поддерживал связь, обеспечив передачу важнейших государственных сообщений».

Помимо Брускина, в БЕЛТА трудилось еще несколько журналистов, которых во время войны забрасывали в тыл врага со спецзаданиями. Один из них – редактор отдела промышленности и транспорта Василий Андреевич Милованов. Донской казак, выпускник педучилища в Шахтах, до войны

Руководство партизанского отряда представляет В.А. Милованова к награждению орденом Красной Звезды

он так и не успел стать историком. Сражался на Карельском перешейке, вступил в партию, окончил курсы политруков. В июне 1941 года с частями Красной армии отступает из Бреста. В его партизанских документах значится, что был в плену, а в марте 1943-го вступил в партизанский отряд имени Кутузова бригады «За Советскую Белоруссию» Базылевича. За короткий срок пустил под откос 7 паровозов, 62 вагона, 10 платформ с военными грузами и живой силой противника. Уничтожал вражеские дзоты, захватывал языков. При этом умудряется издавать партизанскую газету и журнал, вести летопись бригады.

«Последнее задание выполнить было невозможно. Началась война».

28 июля 1944 года Милованов с рекомендательной запиской из отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б приходит в БЕЛТА, его сразу назначают на редакторскую должность. На первых порах новому сотруднику было не слишком комфортно. Требовалось не только писать самому, но и обрабатывать не шибко грамотные сообщения корреспондентов, поступающие по телефону. Тем не менее именно Милованов вместе с Морозовым и Трофимовым ездил в Витебск и Гомель освещать процесс над немецко-фашистскими преступниками. Это были долгие, мучительные командировки с многочасовыми бдениями в суде, ночной обработкой и отправкой информации. Переносных телетайпов тогда не было в помине. Как передавали десятки страниц текста, уже и не скажешь.

Николай Ефимович Орищук «унаследовал» после Тормосова редакцию информации для ТАСС. Проработал на этом посту долгие годы. Кавалерист, участник похода Красной армии в Иран, он с беззаветной храбростью сражался под Москвой. В 1942 году пропал без вести и «нашелся» в партизанском отряде имени Щорса бригады

Николай Ефимович Орищук

майора Шестопалова. «Товарищ Орищук Н.Е. один из старых партизан, – читаем в представлении его к медали «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. – Участвовал во всех боях, проводимых отрядом и бригадой, с немецко-фашистскими оккупантами. На своем личном счету имеет до 20 убитых фрицев и полицейских. В боях показал высокое умение управлять подразделением на поле боя, мужество и отвагу. Будучи комиссаром партизанского отряда имени Щорса, много работал по организации сплоченности и политическому воспитанию личного состава отряда».

Николай Михайлович Бутримович – литсотрудник БЕЛТА с 1939 года. Тот самый журналист, который в страшный день 22 июня по заданию ответрука Чаусского отправился освещать открытие Комсомольского озера.

«Утром по дороге к озеру я заехал в БЕЛТА, – вспоминал Николай Михайлович много лет спустя. – Там уже был Чаусский. Хоть до официального выступления Молотова еще оставалось несколько часов, Чаусский сказал, что этой ночью будто бы немцы бомбили Брест. Кажется война. Уже добираясь к озеру, я услышал по радио то памятное выступление Молотова. Но задание есть задание. На берегу озера играл духовой оркестр, народу не было ни души, последнее задание выполнить было невозможно. Началась война».

24 июня Бутримович уже в рядах армии, командир мотострелкового взвода. После ранения окончил спецшколу Центрального штаба партизанского движения. С июня 1943 года командир десантной спецгруппы «Квадрат» и начальник особого отдела Бельничского партизанского соединения. Дядя Коля, так называли его партизаны и подпольщики, со «своей группой добывал ценные разведанные для фронта о передвижениях войск противника, об укреплении г. Могилев, рубежа р. Днепр. С сентября м-ца 1943 г. Могилевским подпольным обкомом КП(б)Б был утвержден на-

Николай Михайлович Бутримович

чальником р.о. [районного отдела] НКВД при Бельничском подпольном райкоме. За этот период под его руководством разоблачено до 180 агентов гестапо, т. Бутримович создал большую сеть агентуры в г. Могилев, Бельнич, Шклов, откуда получал ценные разведданные. Также сам лично участвовал в разгроме ряда немецко-полицейских гарнизонов, участвовал в рельсовой войне», – отмечено в наградном листе.

Впоследствии Бутримович о своих партизанских подвигах особо не распространялся. «Закрытость темы в советское время не позволяла участникам могилевского подполья более подробно ее осветить», – пишет Александр Костеров в статье «Невидимый фронт» в тылу врага на Могилевщине» («Могилевский поисковый вестник», вып. 12, 2018 г.). Здесь содержится ряд интереснейших сведений о подпольной разведдеятельности журналиста БЕЛТА. Например, непосредственный участник тех событий В.В. Белокуров вспоминает: «В июне 1943 года с нами установила связь десантная спецразведгруппа БШПД [Белорусского штаба партизанского движения] Николая Бутримовича. Все мы перешли на выполнение заданий „Дяди Коли“ и, прежде всего, занялись сбором разведданных. „Пристроили“ все магнитные мины, полученные от партизан: на железнодорожный мост у ст. Луполово, на автомашину с карателями, на распределительный щит телефонной станции у вокзала, на АТС».

«Все мы перешли на выполнение заданий „Дяди Коли“».

В сентябре 1947 года Бутримович возвращается в БЕЛТА, возглавляет редакцию республиканской информации. Потом «Звезда», а в 1960 году и уже до самой пенсии – вновь родное агентство.

В те же годы заместителем директора БЕЛТА был известный писатель и журналист Наполеон Фелицианович Ридевский – автор книги «Парашюты на деревьях». В ней он описал героические будни разведывательно-диверсионной группы «Джек», в составе которой осенью 1944 года десантировался в Восточную Пруссию. Ридевский почти не пишет, однако, что до этого он возглавлял разве-

дывательно-диверсионную группу «Чайка», действовавшую в окрестностях его родной деревни Мякота в 30 километрах к югу от Минска. Группа подрывников, в составе которой была и младшая сестра Ридевского – Бронислава, совершала дерзкие марш-броски в район станций Фаниполь и Койданово, нанося ощутимый урон вражеским железнодорожным перевозкам.

Эти легендарные люди были отважны и в журналистике. Они не терпели лжи, подхалимства, фальши. С ними было трудно, но интересно. Память о них вдохновляет и сейчас.

Наполеон Фелицианович Ридевский

Писатели

Особой кастой в послевоенной БЕЛТА были писатели и актеры. Фронтовики, они, возможно, надеялись найти здесь некое отдохновение, тихий уголок в ожидании будущих творческих свершений.

В их числе русскоязычный поэт Илья Семенович Клаз. Во время войны радиотелеграфист, политрук и летописец зенитного полка, в БЕЛТА сначала заместитель заведующего редакции республиканской информации, а уже через неделю – корреспондент по Полоцкой области, вскоре уволенный «как не справившийся со своими обязанностями». Позже Клаз плодотворно трудился в еженедельнике «Літаратура і мастацтва», бюллетене «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі».

Похожая история приключилась с Борисом Ивановичем Бурьяном. Будущий писатель в 14 (!) лет уже актер Пермского областного драматического

Илья Семенович Клаз

Борис Иванович Бурьян (крайний слева) с коллегами по писательскому цеху. Конец 1950-х годов

театра, успел блеснуть талантом в Рязани, Кинешме, Клинцах. «Актерский стаж – 8 лет», – указывает он в белтовском листке по учету кадров. Добровольцем ушел на фронт, дослужился до гвардии сержанта, начальника полевой рации. «При боевом прыжке с парашютом получил перелом – увечье ноги 9 января 1944 года», – читаем в архивном документе.

Трудовые отношения с БЕЛТА не заладились настолько, что «за систематическое опаздывание на работу и за самовольный уход с работы» его чуть не отдали под суд. «...тов. Бурьян зарекомендовал себя недисциплинированным, неисполнительным журналистом, – с беспощадной откровенностью констатирует заместитель ответрука Быковский. –

Ни одно порученное руководством задание не было им доведено до конца». Бурьян попытался уволиться. «В связи с предоставившей мне возможностью продолжать работу по основной своей специальности актера в одном из драматических театров БССР, прошу Вас освободить меня от занимаемой должности и работы в БЕЛТА. Самым убедительным образом прошу Вас удовлетворить мою просьбу», – пишет он 10 ноября 1946 года на имя Морозова. Но резолюцию представляет Быковский: «В связи с тем, что не представляется возможным заместить тов. Бурьяна, отказать в его просьбе об освобождении от работы». Лишь 1 февраля 1947 года смилостивившийся Морозов дает согласие на увольнение.

Однако белтовская школа явно пошла Бурьяну на пользу. На театральные подмостки он больше не возвращается, а посвящает жизнь печатному делу, став одним из выдающихся редакторов еженедельника «Літаратура і мастацтва» и журнала «Нёман».

Эта послевоенная история – красноречивое свидетельство того, что журналистом информационного агентства все-таки нужно родиться. Чтобы жить в пульсирующем ритме стремительно меняющихся событий, получать удовлетворение от сумасшедших скоростей рабочего дня и от совместной, плечом к плечу, работы. Не всякому это дано, а кому дано – отказаться невозможно.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото Максима ГУЧЕКА, из архива БЕЛТА, из открытых источников